

*А. П. Сумароков*

## О думном дьяке, который с меня взял пятьдесят рублей

Русский фельетон. В помощь работникам печати.

М., Политической литературы, 1958.

OCR Бычков М. Н.

Известно, что в древние времена обер-секретарей еще не было, а вместо их были думные дьяки, из которых некто с меня счистил пятьдесят рублей, а я в том извиняюсь следующими причинами: я был двенадцати лет тогда, и что за взятки приказано вешать, я этого еще не знал; вторая причина была мое любопытство узнать, каким образом акциденция <sup>1)</sup> берется; третья причина, что ежели бы я не дал ему денег, так бы дело то не было сделано. Вот как берутся взятки: приехал я ко двору его высокородия думного дьяка зимою в санях и, подъехав ко двору, радовался, что я скоро буду в тепле, а этого я не знал, что челобитчики к думным дьякам на двор не въезжают и выходят у ворот. Ворота у дьяков всегда запираются замками изнутри, понеже-де то от воров имеет быть безопаснее; больше получаса стучался я у ворот; отперли калитку, выглянул приворотник и спрашивал, как ему назвать мое здоровье; я не знал, как ему отвечать, и промолчал, ибо такой вопрос и не ребенку странен покажется; он спрашивал, как назвать вашу милость,-- это я знал, потому что оно несколько употребительно, а по-нашему: как тебя зовут. Я ему сказался; а он калиткой хлопнул и ее запер. Слуга мой был поискуснее меня и говорил: надобно дать деньги. Я опять постучался, он опять выглянул, я давал деньги, чтоб он отнес их к думному дьяку, а меня бы впустил, однако он их не взял, извинялся, что господин его может подумать, будто он не все сполна ему отдаст, а мне чаялося, что везде деньги берутся в тех местах, куда безденежно не впускают у дверей; ибо я бывал на комедиях, смотрел Александра и Людвига, Париж и Вену и другие комедии, на что я и ссылался, а он отвечал: то-де враки, а здесь дела. Очень досадно мне это стало, что дьяков он писателям драм предпочитает, как будто сердце слышало, что я по времени буду иметь несчастье быть драматическим стихотворцем. Однако служителю знатного человека должен я был уступить, а мой слуга сунул ему в руку пять копеек, которые он с меньшей принял учтивостию, нежели подлекарь и дьячок. "Дома ли,-- спрашивал я,-- его благоутробие?" -- "Этого я еще не знаю,-- отвечал он,-- я пойду, о том, дома ли он или нет, доложу его милосердию и вашей чести донесу". Еще с полчаса прошло того времени, в которое мне зябнуть предписано было, возвратился дворник и объявил, что боярин его дома; не дьяком назвал он его -- боярином, а в этом было в древности различие. На дворах приказных служителей стоят на часах собаки, и, кто из них больше чином, у того больше собака и толще лает. Подворотни у дьяков превысокие и для челобитчиков из-под калитки не вынимаются, а ворота и не отворяются; калитка была очень узка, и человек мой пролез боком на двор, а я, будучи мал, через подворотню насили перелез. Как только собака нас увидела, преужасно залаяла. Цербер не испугал Геркулеса <sup>2)</sup> в аде, а меня дьячий Цербер гораздо испугал, потому что я ребенок был, да я ж и не Геркулес, хотя и в ад вошел. Слуга мне говорил, чтоб я поклонился Церберу. "Как,-- спрашивал я,-- чтобы я собаке поклонился?" -- "Хотя это и собака, однако дьячья",-- говорил он. Но когда я уже дошел до такой подлости, чтобы кланяться дьяку, великое ли это уже унижение, чтобы и собаке не поклониться; поклонился, да еще и пристойнее было, чтоб я собаке поклонился, нежели ее помещику: она денег не возьмет у меня, а бессовестный ее помещик с меня счистит. Я редко вспоминаю, что я дворянин, а в то время вспомнил я это и размышлял, идучи по двору: дьяк богаче меня, а я несу ему деньги; дьяк хуже меня, а я иду ему кланяться; и ежели бы я философ был, конечно бы, закричал: "О времена! о нравы!". Вшел я в боярские покои; подошла ко мне боярская боярыня. Не чудно ли это, что дьячью служанку называли боярынею? Сия боярыня была охвата в два, в подкапке, в телогрее и босиком. "Боярин,-- говорила она,-- в мыльне и уже выпарился, скоро изволит выйти". Подьяческое племя с самого младенчества привыкает, и терпят они легко, как их по спине секут, а намерение то, чтобы не так трудно было телесное наказание, ежели по силе уложения и указов нужда того потребует, и заставляют подьячие холопьям своим сечь себя в бане и велят себя до тех сечь пор, покамест побагровеет спина; как они под патогами ни кричат, однако когда то окончится, так они становятся еще бодрее того, нежели были, и ради того патогии -- их обыкновенная забава, и чтобы воскресенье как праздничный день проводить им повеселяе, так они по всякую субботу себя сечь приказывают, хотя иные говорят, будто они терпят это добровольно за соделанные во всю неделю плутни и что перед праздником полагают на